

И. П. Зайцева
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(Республика Беларусь, Витебск)
irinazaj91@mail.ru

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА: АВТОРСКИЕ ИПОСТАСИ ПРОЗАИКА И ДРАМАТУРГА

В работе представлены наблюдения над своеобразием воплощения диалога в словесно-художественных структурах, принадлежащих к разным литературным родам: *эпическому* и *драматургическому*. Материалом в данном случае послужили два произведения популярного современного автора Виктории Токаревой: *рассказ «Рарака»*, опубликованный в 1973-м году в журнале «Юность» [Токарева 2014], и созданная в 1998-м году *пьеса «Ну и пусть!»* [Токарева 2011].

Остановимся на рассмотрении функционирующих в произведениях В. Токаревой диалогических структур, значимость которых и в рассказе, и в пьесе представляется очевидной: именно в них прежде всего раскрывается внутренний мир героев, их душевное состояние в особо напряженные жизненные моменты.

Как известно, художественный диалог (диалог в прозе, драматургии и в лирике) по целому ряду признаков противопоставлен диалогу нехудожественному – см. об этом, например, в работе [Полищук, Сиротинина 1979]; однако и его разновидности – в произведениях разных литературных родов и жанров – отличаются друг от друга весьма существенно.

Сопоставление диалогической речи в упомянутых произведениях В. Токаревой позволяет наглядно продемонстрировать отличия прозаического и драматургического художественного диалога в драматургии и прозе – ср. один из концептуально значимых диалогов между ключевыми персонажами обоих произведений – подругами *Кирой* и *Ларисой* – в предлагаемой ниже таблице.

<i>рассказ</i>	<i>пьеса</i>
<p><i>«Мы подошли к прудам. Лед был серый, набухший весной. Я мысленно поставила на лед ногу, мысленно провалилась и мысленно содрогнулась. Лариска смотрела на лед яркими незрячими глазами. У нее были свои ассоциации.</i></p> <p><i>– Представляешь... –</i> <i>проговорила она. – Океан, ночь, вода черная, небо черное, горизонта не видно. Сплошная чернота, будто земной шар на боку... Не поймешь, где вода, где воздух... И вдруг рарака</i></p>	<p><i>«Помолчали. Лариска подняла голову.</i></p> <p><i>Лариска. Смотри... Вон плывут моя нежность и печаль.</i></p> <p><i>Кира. Где?</i></p> <p><i>Лариска. Человеческие чувства и голоса не рассеиваются, а поднимаются в небо. А оттуда передаются в более высокие слои атмосферы. Может быть, сейчас где-нибудь в Галактике бродит голос Есенина? Представляешь... океан. Ночь. Вода черная. Небо черное.</i></p>

<p>засветится точечкой, и сразу понятно: вот небо, вот море. Просто сейчас ночь, а будет утро... – А что это «рарака»? – Морской светлячок. В море живет. Я не понимала, какое отношение это имеет к Игнатию, но обязательно должно было как-то его касаться, потому что вне Игнатия не существовало ничего. – Он моя рарака, – сказала Лариска. – Если он есть, я обязательно выплыву... Конечно, мне до него как до Турции. Но я буду плыть к нему всю жизнь, пока не помру где-нибудь на полдороге. – Счастливая! – позавидовала я. – Знаешь, куда тебе плыть. – И ты знаешь, – серьезно сказала Лариска. – У тебя своя рарака. Талант» [Токарева 2014: 575]</p>	<p>Горизонта не видно, сплошная чернота, будто земной шар на боку. Не поймешь: где вода, где воздух... И вдруг... рарака засветится точечкой, и сразу понятно: вот небо, вот море. Просто сейчас ночь, а будет утро... Кира. А что это – рарака? Лариска. Морской светлячок. В море живет. Кира. А при чем тут светлячок? Лариска. Игнатий – моя рарака. Если он есть – я обязательно выплыву. Конечно, мне до него, как до Турции. Но я буду плыть к нему всю жизнь, пока не помру где-нибудь на полдороге. Кира. Счастливая... Знаешь, куда тебе плыть... Лариска. И ты знаешь. У тебя своя рарака. Талант» [Токарева 2011]</p>
--	---

В первом диалоге передача психологического состояния персонажей, их отношения к собеседнику, помимо собственно речевых проявлений, существенно дополняется авторскими ремарками (*Лариска смотрела на лед незрячими глазами; Я не понимала, какое отношение это имеет к Игнатию ...* и т. д.). Важную роль играют в этом и вводящие речь обеих героинь глаголы, а также уточняющие их семантику слова: *проговорила, позавидовала, серьезно сказала* и т. д.

В диалоге пьесы аналогичный смысл передан несколько иными средствами: авторская речь сведена лишь к одной ремарке (*Помолчали. Лариска подняла голову*), а практически всю информацию об испытываемых персонажами чувствах, как и об отношении их друг к другу, адресат извлекает из прямой речи героев. Именно этим в первую очередь объясняется как большая развернутость реплик в диалоге пьесы, так и их существенная семантико-стилистическая емкость. Две начальные реплики диалога Лариски в пьесе сообщают об этой героине куда большую информацию, чем соответствующая им по смыслу реплика в диалоге рассказа. Способствует этому и фрагмент явно философского свойства, начинающий вторую из реплик (*Человеческие чувства и голоса не рассеиваются, а поднимаются в небо...*), не вполне типичный для героини: и в рассказе, и в пьесе Лариска выглядит скорее как личность с абсолютно конкретными и четкими жизненными установками.

Думается, что подобное смысловое наполнение ремарки в диалоге пьесы также в значительной степени обусловлено жанровой спецификой

произведения, где драматург нередко «поручает» персонажу высказать концептуально значимые для автора положения.

ЛИТЕРАТУРА

Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 188–199.

Токарева В. С. Ну и пусть! М., 2011 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.litres.ru/viktoriya-tokareva/nu-i-pust/?lfrom=1546595> 5.

Токарева В. С. Рарака // Токарева В. С. Сволочей тоже жалко (сборник). М., 2014. С. 575–588.